

можність продукувати дисципліну як добровільне і усвідомлене самообмеження соціальним суб'єктом самого себе на шляхах реалізації своєї зовнішньої і внутрішньої свободи виявляється найглибшим критерієм глибини теоретичного, проектного та організаційно-практичного руху з розв'язання завдань соціального поступу, міри його відкритості нагальним потребам і реальним можливостям відтворення органічної єдності в невичерпній багатоманітності соціальної матерії.

Підсумовуючи, відзначимо, що досягнення такого результату позначає здобуття блоком партій соціального прогресу його найголовнішої можливої перемоги – перемоги над традиційними мотиваційними ресурсами політичної діяльності – грошами та владою, коли прихильність і відданість партійних прибічників вже не купується або здобувається маніпуляціями, а породжується усвідомленим і компетентним теоретичним та практичним засвоєнням загальносоціальних цілей і конкретних шляхів їх досягнення. Власне тут нашим очам і відкривається та глобальна стратегічна перспектива, з теоретичною і практичною реалізацією якої, на нашу думку, і пов'язана можливість гармонізації процесу розгортання подвійного громадянсько-політичного сутнісного призначення партії, а, отже, і її перетворення в фактор максимально можливої реалізації діалогічної сутності соціально-політичного проектування.

ДЖЕРЕЛА ТА ЛІТЕРАТУРА

1. Грамши А. Избранные произведения / Антонио Грамши; [пер. с итал. под общ. ред. И. В. Григорьевой, К. Ф. Мизиано, Г. П. Смирнова]. – М.: Политиздат, 1980. – 422 с.
2. Лукач Г. История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике / Георг Лукач; [пер. с нем., предисл. С. Н. Земляного]. – М.: «Логос-Альтера», 2003. – 416 с.
3. Модель партии XXI века / О. В. Волобуев, А. А. Данилов, В. В. Журавлев [и др.] // Свободная мысль – XXI. Теоретический и политический журнал. – 2000. – № 6 (1496) 2000. – С. 66 – 80.
4. Попов С. А. Партии, демократия, выборы / С. А. Попов. – М.: Омега-Л, 2003. – 160 с.
5. Политические институты на рубеже тысячелетий / [Борисюк В. И., Вайнштейн Г. И., Городецкая И. Э.; отв. ред. К. Г. Холодковский; 3-е изд.]. – Дубна: ООО «Феникс+», 2009. – 480 с.
6. Kirchheimer O. The Transformation of the West European Party Systems // Political Parties and Political Development / Ed. by J.La Palombara, M.Weiner. / Otto Kirchheimer. – Princeton: Princeton University Press, 1966. – P. 177 – 200.

SUMMARY

Political party is analyzed in a social philosophical way, aiming to define to optimal theoretical and organizational forms of social political projecting. The social progress party block is presented as the form of dialog between civil society and state.

В. В. ГЛАЗУНОВ

ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ ОЛИГАРХИИ

Отправной точкой исследования форм проявления олигархии могут служить примеры олигархических государственных образований, сведения о которых предоставляет нам история и современные исследования.

В связи с этим необходимо заметить, что список таких государств, которые в той или иной мере считаются олигархическими, выглядит довольно внушительным. Причем олигархические государства присутствовали во все эпохи.

Начнем с того, что уже античные философы, которые ввели в обиход сам термин, опирались на широчайший массив примеров олигархических государств, современных исследователям или еще более древних. Особенно такими примерами изобилует «Политика» Аристотеля. Самым ярким примером является борьба олигархической Спарты против демократических Афин.

В олигархическом контексте упоминается и Византия, где олигархи устраивали внутренние военные конфликты, что явилось одной из причин гибели империи.

В русскоязычной литературе хрестоматийно-олигархическим, благодаря словарю Ожегова, становится пример Венецианской республики XIV века. Она же, в качестве примера, фигурирует в нашумевшем докладе российского Совета по национальной стратегии «Государство и олигархия» [1].

Наличие магнатов, которые играли ведущую роль в формировании политики, а также тот, факт, что существовал имущественно – сословный ценз при голосовании, по мнению экспертов, присовокупляет к перечню олигархий и Речь Посполитую.

Ряд западных исследователей вполне обосновано считают олигархией Первую Французскую республику под управлением Директории.

В качестве примера олигархии западные исследователи приводят и Южную Африку двадцатого века, где олигархическое правление особенно легко прослеживается, т.к. оно было основано на расовом апартеиде.

Довольно устоявшимся является образ японской военной олигархии.

В обозначенном контексте представляет интерес тот факт, что немецкий политолог Дирк Берг-Шлоссер выделяет традиционные авторитарные режимы олигархического типа и в качестве примеров приводит Гватемалу, Никарагуа до 1979 года и другие латиноамериканские страны. Кроме того, он выделяет гегемонистский авторитаризм новой олигархии в таких странах как Филиппины при Ф. Маркесе, Камерун, Тунис. Совершенно ясно, что основания для такого подхода дала особая олигархическая специфика указанных государств.

Многие западные исследователи указывают на наличие устойчивых олигархических признаков в современных США. Перечень соответствующей литературы с аннотациями располагается на сайте «Олигархия США» [2], который имеет красноречивый подзаголовок: «А вы думаете, что живете в демократии?!»

Особое внимание западных исследователей привлекают олигархические процессы, возникшие в России после распада СССР. Так издание Forbes в мае 2004 года определило 36 русских миллиардеров-олигархов, которые составляют политико-экономический пул современной российской политики.

Стоит заметить, что, на том основании, что верховная государственная власть передается по наследству, ряд западных исследователей предлагает отнести к олигархическим государствам Северную Корею.

В связи с вышеизложенным, особого внимания заслуживает позиция Роберта Михельса, автора Железного закона олигархических тенденций, суть которого применительно к государству можно перефразировать следующим образом: любая политическая система, неизбежно, в конце концов, перерастет в олигархию.

Следует также подчеркнуть, что образ олигарха прочно вошел в общественное сознание благодаря современным СМИ. Считается, что обобщенный образ современной олигархической диктатуры вывел в своем романе «84» писатель-фантаст Джорж Оруэлл. Список может быть многократно продолжен.

Итак, исторический анализ феномена олигархии показал наличие определенного многообразия форм существования олигархического государства. При этом их объединяет нечто общее, что позволяет нам сделать вывод о том, что изучаемое явление с уверенностью можно назвать олигархией. Действительно, феномен олигархии определяется, в первую очередь, его сущностью. Между тем, исторический анализ феномена свидетельствует о том, что явление олигархии принимало различные формы в каждой конкретной эпохе и в каждой конкретной системе-стране. Поэтому необходимо изучить не только сущность явления олигархии, т.е. «общее», но и «единичное», т.е. уникальное проявление олигархии на уровне конкретной страны, в определенную эпоху. При этом, если общее проявляется, прежде всего на уровне сущности и содержания, то «единичное» находит свое выражение на уровне формы. Поэтому, необходимо выяснить взаимосвязь между «единичным» и «общим», на основании чего можно сделать заключение об «особенном» в феномене олигархии. Кроме того, предстоит установить характер трансформаций форм олигархического государства, выяснить природу и причинно-следственную зависимость, т.е. установить определенную закономерность в процессах изменения формы.

При этом необходимо помнить, что содержание не существует без формы, а форма существует лишь как форма данного содержания. К содержанию феномена относится, прежде всего, его структура и элементы его составляющие, находящиеся в определенной взаимосвязи и с внешней средой. Изучая трансформацию именно этих компонентов, можно говорить о «внутренней» форме, которая является способом существования и выражением содержания. Как раз такой анализ показывает, что все исторические олигархические государства по сути своей представляют собой «особенное» государственное устройство, которое воплотилось на уровне

формы в виде специфической структуры и набора специфических элементов, при оценке которых, можно выделить общее и особенное, и соответственно соотнести этот феномен, с одной стороны, с другими государствами, а, с другой стороны, показать его уникальность и неповторимость.

Как уже было показано, олигархическое государство как феномен имеет две сферы «основного проявления» – экономическую и политическую. Причем в экономической сфере основным предметом изучения выступает «богатство» во всех его проявлениях, а в политической – «власть».

Вполне резонно допустить, что трансформация форм проявления всего феномена в целом зависит от трансформации форм его составляющих элементов, следовательно, есть необходимость проследить трансформацию таких феноменов как «богатство» и «власть». Но, следует заметить, что и сами эти феномены имеют довольно сложную структуру, а элементы их составляющие, в свою очередь, обладают способностью трансформироваться в пространстве и во времени. Таким образом, необходимо отследить трансформацию формы нескольких систем «первого уровня», для чего, отследить трансформацию подсистем «второго уровня», или элементов, составляющих системы «первого уровня». Необходимо установить предпосылки, причины, условия и обстоятельства обозначенных трансформаций, т.е. установить причинно-следственные связи, предопределяющие соответствующие трансформации.

Что касается богатства, то можно констатировать, что его составляют определенные материальные носители либо духовные, информационные, ценности, которые предлагается рассматривать в качестве жизненных, т.е. поддерживающих жизнедеятельность системы, ресурсов. При этом качественная сторона этих объектов проявляется субъективно, после осознания их ценности в процессе поддержания энергетического баланса на уровне индивида и общества в целом. Лишь после такого индивидуального, а затем общественного осознания ценности, значимости, тот или иной вид ресурса приобретает на уровне общественного сознания образ «богатства».

Образ богатства трансформировался от эпохи к эпохе. Конкретная форма богатства определена спецификой общественной практики этой эпохи, и, прежде всего, уровнем развития производительных сил. Именно уровень развития производительных сил определял основной вид ресурса, на который делалась ставка обществом в рамках указанной эпохи. В свою очередь, уровень развития производительных сил определялся уровнем развития орудий и средств производства.

Можно представить специфическую форму комплексов производительных сил соответствующих эпох:

Рабы + примитивные орудия труда + земля.

Крепостные крестьяне + примитивные орудия труда + земля.

Наемные рабочие + машинные комплексы + природные ресурсы.

Средний класс + информационная составляющая + автоматизированное производство + природные ресурсы.

Объективная сторона богатства определяла субъективное его восприятие. Исторический анализ показывает, что общественное сознание в отношении образа богатства способно дифференцировать богатство как продукт, т.е. производную от производственной деятельности и богатство как источник этого продукта, который является, по сути, обязательной предпосылкой производства продукта, т.е. богатства. Следует отметить, что этот источник богатства, также на уровне общественного сознания оценивается как сверхценность, супербогатство, его первооснова, причем эта оценка имеет не количественный, а качественный характер.

В зависимости от эпохи менялась форма богатства, а, соответственно, и форма его производства. Для рабовладельческого строя основу богатства составляли рабы, которые прикладывали свою силу через примитивные орудия труда к земле, возделывая ее. Основным результатом такого процесса были продукты земледелия и животноводства, которые воспринимались в качестве основных ценностей.

Формально богатство эпохи феодализма несло в себе элементы предшествующей эпохи, но и прибавилось нечто новое. Основной результат производственной деятельности остался преимущественно прежним, так как мало изменился характер труда и его объект. По-прежнему, это был комплекс, основанный на приложении физической силы к земле. Поэтому и результат оставался прежним – в основном это были продукты земледелия и животноводства. Новизной отличались носители физической силы, участвующие в производстве. Они уже не были в полной зависимости от своих владельцев, как это было с рабами. Зависимость определялась экономически

и политически – крепостные крестьяне попадали в экономическую зависимость от владельца основного ресурса эпохи – земли. Крестьяне закреплялись за землей и вместе с ней передавались во владение, продавались, дарились и т.п. Именно крестьяне совместно с землей рассматривались как основной источник богатства той эпохи.

Ситуация коренным образом изменилась с началом формирования капиталистических отношений. Основным источником богатства стали ресурсно-сырьевая база, машинный комплекс и наемные рабочие. Произошел стремительный рост эффективности производства продукта. Наемный работник находится в жесткой экономической зависимости от владельца средств производства.

Постиндустриальная эпоха по-новому расставила акценты в системе ценностей производительных сил. Огромное количество продукта, которое было произведено благодаря механизации и автоматизации труда, необходимо доставить потребителю. Это становится главной проблемой эпохи, что смещает приоритет и в ценностном ранжировании ресурсов. Стремительно возрастает роль информационного ресурса, как в процессе производства, так и в процессе «сопровождения» продукта.

Различные формы комплекса средств производства и продукта производства, как богатства «первого рода» и «второго рода», соответственно, характерные для различных эпох, определяют и специфику формы не только процесса их производства, но и специфику формы их концентрации. В свою очередь, процесс концентрации имеет комплексную структуру и предопределяет специфику распределения богатства и процесс его накопления.

Так в период рабовладения основным результатом такого процесса были продукты земледелия и животноводства, которые воспринимались в качестве основных ценностей. Однако такое богатство имело существенный недостаток – сравнительно небольшой срок хранения. Этот недостаток с лихвой компенсировался довольно высоким уровнем развития товарно-денежных отношений. Наличие денег в античном мире давало возможность накопления богатства. Именно с их помощью стало возможным концентрация богатства в античную эпоху. Циклический характер процесса продажи, аккумуляции денежной массы, которая пускалась на расширение производства, т.е. на расширение площади обрабатываемой земли и увеличение численности рабов, т.е. богатства «первого рода». За счет такого многократного экстенсивного расширения производства происходила концентрация богатства в руках у олигархов.

Эпоха феодального средневековья отличалась относительным снижением роли товарно-денежных отношений, частичному возврату к натуральному хозяйству и натуральному обмену. На этом фоне произошло снижение роли денег и их роли в хозяйственно-экономической деятельности, поэтому накопление богатства происходило в форме накопления земельного ресурса с параллельным ростом численности крестьян, закрепленных «в крепость» на этой земле.

Характерной чертой капиталистических отношений является расцвет товарно-денежных отношений. Причем роль денег выросла настолько, что они стали играть ведущую роль в экономико-хозяйственной деятельности. Они стали вкладываться в расширение производства, стимулируя его рост таким образом, что сектор финансирования крупного машинного производства превратился во вполне самостоятельную, а не вспомогательную роль бизнеса, которая выполняла ведущую роль. На этом фоне проявилась новая форма олигархии – финансовая олигархия. Извечное стремление к монополии и уничтожению конкурентов привело к сращиванию промышленно-финансового капитала, что также является одной из форм проявления капиталистической олигархии.

Еще одна особенность рассматриваемого периода – специфические усилия олигархии к экстенсивному расширению подконтрольной сферы деятельности. Она нашла свое выражение в имперских замашках олигархических государств. Данный момент указывает на то, что государство становится в полную зависимость от социальной группы олигархов, выполняет ее запросы и реализует ее интересы не только на уровне внутренней политики, но и на уровне внешней политики. Именно олигархическая группа промышленников заинтересована в расширении зоны доступа к сырьевым и людским ресурсам, а, главное, заинтересована в расширении рынков сбыта. Эта корпоративная заинтересованность разворачивает мощь олигархического государства, ориентируя его на захватнические войны. Кроме того, такой разворот порождает получение соответствующих военных заказов, что ведет неизменно к милитаризации промышленности. На этой волне выделяется милитаристская олигархия, которая, развиваясь и обогащаясь бешеными

темпами, начинает тут же представлять мощную конкуренцию традиционным олигархическим подгруппам, ориентированным на производство мирной продукции. Таким образом, можно заметить не только различные формы концентрации богатства, но и различные формы олигархии как социальной группы, ориентированные на различные виды ресурсного потенциала. Причем можно заметить изменение этих форм на основе объединения олигархических подгрупп за счет концентрации различного вида ресурсов, а также за счет экономического слияния и поглощения.

Форма богатства определяется качественно и количественно, за счет его накопления. При этом количественные показатели накопленного богатства определяют форму взаимоотношения владельцев этого богатства с государством. Это дает право Арому высказать мысль о том, что «всякая демократическая власть в определенной степени олигархична» [3, 120-123]. В определенной мере с Ароном нельзя не согласиться. С другой стороны, нам представляется показательной та граница объема накопленного богатства или совокупного ресурса в руках олигархи, за которой его обладатель потенциально начинает представлять собой конкуренцию государству. Другими словами, при определенном объеме накопленного богатства в руках олигарха, его величина принимает размеры «значимого» в системе государства, т.е. его объем является системообразующим компонентом государственной системы. В этом случае, после накопления такого объема совокупного ресурса олигарх может себе позволить диктовать свою волю и государству и обществу. Это выражается в навязывании своих экономических интересов государству. Общество вынуждено идти на уступки, ибо потенциальный выход олигарха из системы со всеми его ресурсами может поставить под сомнение существование этой системы. Иными словами, с определенного этапа накопления ресурсного потенциала, олигарх имеет основания, прежде всего экономические, диктовать свою волю государству. Это в полной мере касается формальной стороны организации этого государства, но главное, этот момент определяет характер политики, проводимый этим государством. Именно в этом случае, когда экономический потенциал отдельных олигархов становится системообразующим по величине в системе государства, а олигархи начинают это осознавать и устанавливать контроль над процессом разработки и проведения государственной политики в своих корпоративных интересах, такое государство может по праву называться олигархическим.

Следующим значимым основанием олигархии является специфическая государственная власть, которая является производной от богатства и также обладает способностью принимать различную форму в зависимости от формального выражения составляющих ее компонентов. И первую возможность для формальных вариаций в этом направлении предлагает фактор имущественного избирательного ценза, как обязательное условие формирования олигархии.

Принимая во внимание, что изначально «имущественный ценз – в древнем Риме перепись граждан с указанием имущества для определения их социально-политического, военного и податного положения», а «избирательные цензы – установленные законом условия, необходимые для приобретения права участвовать в выборах представительных органов государственной власти» [4, 1330], то становится очевидным, что имущественный ценз субъективно связан с имуществом, т.е., по большому счету, с богатством или ресурсным потенциалом, который находится в частной собственности. Другими словами, богатство может принимать форму имущества, как объективно, так и субъективно. Причем форма имущества может иметь различное выражение, как по количественному, так и по качественному показателю. Характерным моментом является то, что это может быть личное имущество, а могут быть – средства производства, природные ресурсы, находящиеся в частной собственности. В то время как в первом случае личное имущество используется для удовлетворения собственных нужд, то, во втором случае, производственный комплекс используется для производства продукта, как правило, с применением наемной или привлеченной рабочей силы. В таком случае мы имеем дело с процессом, предполагающим эксплуатацию. Разница в качественном состоянии имущества в первом и во втором случае весьма существенна. При этом следует заметить, что нивелировать указанную разницу вполне возможно, если ввести денежный эквивалент. В принципе, так и происходило исторически – налогом облагалось определенное богатство, что и подразумевало под собой первичное значение ценза. Затем этот же принцип был перенесен в избирательный процесс при формировании представительных органов власти. Особо следует обратить внимание на то, что с определенного момента при прохождении во власть необходимо было подтвердить свою состоятельность, т.е. либо известную сумму потратить на определенную государственную программу, либо попросту внести

залог, либо компенсировать затраты, связанные с избирательной компанией и т.п. Показательно, что этот момент либо оговаривался по закону, либо регулировался моральными нормами, в частности традицией.

Стоит отметить, что форма имущества, особенно производственного комплекса, изменялась от эпохи к эпохе, что соответственным образом учитывалось в процессе избирательного ценза. Так, на различных этапах принимались во внимание количество земли и рабов у рабовладельца; земли и крепостных крестьян у феодала-землевладельца, количество деревень; количество солдат и их обеспечение, которых магнат мог поставить под ружье; количество фабрик и заводов с рабочими, количество добываемого угля и руды, количество нефти, протяженность железных дорог; капитализация производственных активов, финансовый капитал и т.д. Соответствующая и градация образов формировалась на уровне общественного сознания – «тысячник» и «миллионщик», миллионер и миллиардер. При этом все указанные изменения формы имущества мало сказывались на сущности процесса олигархизации.

Существенным представляется то, что финансовый потенциал владельцев имущественного комплекса, многократно превышал финансовый потенциал представителей социальных групп, которые таковым не располагали, поэтому и возможности выдвижения для избрания в представительные органы власти в условиях действия имущественного ценза были различными. Таким образом, формальное равенство возможностей изначально подменялось предварительным ограничением в этом праве малоимущих. По сути, практика применения имущественного ценза представляла собой специфическую форму «праймериз», т.е. предварительного отбора: вначале отбирались богатые, а затем уже из них «совершенно свободно» выбирались лучшие по ситуативно востребованным критериям – самые благородные, самые отважные, самые профессиональные и т.д.

Примечательно то, что в истории известна и «обратная» форма имущественного ценза. Негативные последствия крайних форм эксплуатации и фетишизация денег вызывали социальные взрывы, которые, как правило, заканчивались попыткой не изменить систему, а «поменяться местами». Однако, известны и попытки организовать систему на основе «обратного имущественного ценза». Как правило, это происходило на уровне сравнительно небольших систем: этим желанием отличались многочисленные народные мстители, этот принцип положен в основу жизни колоний хиппи, присутствует он в той или иной форме в колониях уравнилельной общины, на определенных этапах, например, в кибуцах, в тоталитарных религиозных сектах. Показательным представляется в этой связи и формирование организаций антисоциальной и криминальной направленности: «вор в законе», претендующий на высшее положение в криминальной иерархии, по традиции максимально должен быть ограничен имущественно. Это, обычно, нарочито показное пренебрежение к мирским благам, объясняется той же традицией («по понятиям»): лишенный изначально права увеличивать свое имущественное положение вор должен и будет «по-справедливости» организовывать систему криминального сообщества. Как видим, в формировании системы присутствует элемент социального ожидания, который на практике, в той или иной мере имеет возможность реализоваться. Причем, реализоваться он может с той или иной долей вероятности. Все зависит от условий и обстоятельств.

Но самым ярким проявлением «обратного имущественного ценза» были анархистские и коммунистические движения, начиная от Парижской Коммуны и заканчивая Советской Россией в первые годы ее существования. Органы государственного, но, прежде всего, местного управления комплектовались не по профессиональному принципу, а по принципу классовой преданности, а формальным выражением принадлежности к классу трудящихся являлась бедность! Предположительная эффективность этого принципа объяснялась просто – поставленный во власть малоимущий будет отстаивать и реализовывать классовые или корпоративные интересы своей социальной группы в процессе формирования государственной политики на всех уровнях. Это – социальные ожидания, которые выступают в качестве потенциальной возможности, но для реализации этих ожиданий должно быть в наличии еще и существенное обстоятельство, а именно: в условиях открытой информационной системе, когда власть имущие находятся под общественным контролем, это, теоретически, возможно.

Хотя практика убеждает нас в том, что власть имущие, по роду своей деятельности, в силу различных обстоятельств, зачастую субъективно и искусственно создаваемых, уходят из открытой информационной зоны, а, следовательно, выходят из-под общественного контроля. Этот момент является базовым для анархистской доктрины отрицания государства, этот же момент, но в другой

интерпретации, представляет собой сущность «железного закона олигархических тенденций» Роберта Михельса, согласно которому социальная группа, стоящая в руководстве любой организации в процессе ее роста неизбежно начинает реализовывать свои корпоративные интересы, а не интересы всей организации. Т.е. данный момент необходимо воспринимать как неизбежность. В странах «развитой демократии» постоянно происходят события подтверждающие это. Однако, гражданское общество, имеющее определенные демократические традиции, знакомо с действием указанного закона, и ведет постоянную, более-менее удачную, борьбу с его проявлениями.

Однако стоит обратить особое внимание, на тот момент, имеется ли различие в корпоративных интересах изначально у тех социальных групп, которые приходят к власти, с теми группами, которые составляют большинство общества, т.к. в этом случае интересы большинства максимально совпадают с таким понятием как общественные интересы. Если такого различия нет, то, согласно закону Михельса, «олигархизация» власти произойдет только на определенном этапе, при недостаточном контроле со стороны гражданского общества. Причем, чем жестче будет контроль со стороны гражданского общества, тем на более длительный срок растянется процесс олигархизации.

В связи с этим необходимо подчеркнуть, что такое условие как имущественный ценз (по богатству) является тем обстоятельством, когда изначально у власти находится социальная группа, корпоративные интересы которой входят в противоречие с интересами всего общества в целом. Таким образом, многократно увеличивается вероятность ее выхода из зоны открытого информационного пространства, т.е. из-под контроля гражданского общества.

Этот момент является показательным во многих отношениях. Прежде всего, он свидетельствует о том, что такая формальная деталь как избрание в органы представительной власти по имущественному цензу многократно повышает вероятность формирования системы с той или иной сущностью, а, значит, это та организационная форма, которая во многом определяет содержание системы. Именно этот момент еще раз доказывает неразрывную связь между формой и содержанием.

Кроме того, следует обратить внимание на то, что форма рассматривается в двух «измерениях» – как форма внутренняя и внешняя. При этом внешняя форма явления ответственна за отличие этой формы от всех других. Этот момент представляется чрезвычайно актуальным в контексте рассматриваемой проблемы отличия олигархии и демократии.

Дело в том, что и демократии, и олигархии, присущ один и тот же формальный элемент – формирование государственной власти ведется из представителей общества, избранных по закону. Этот общий формальный элемент составляет основание для отождествления демократии и олигархии на обыденном уровне сознания. Кроме того, этот же момент является краеугольным в процессе идеологической манипуляции общественным сознанием. Социальная группа олигархов, заинтересованная в отождествлении образов демократии и олигархии на уровне общественного сознания, идеологически акцентирует общественное внимание на общем для двух явлений формальном моменте, одновременно, идеологически отвлекается общественное внимание от различной сущности двух явлений – той политики, которая проводится народными избранниками.

К формальным признакам можно отнести еще несколько моментов. В частности, следует отметить, что имущественный ценз может быть зафиксирован в соответствующем законе в открытой форме, а может в латентной – завуалировано. Кроме того, с формальной точки зрения важным представляется субъект установления имущественного ценза, т.е. законодатель. Специфика этого момента проявилась, в частности, в уникальности реализации олигархических проявлений и тенденций в феномене фаворитизма, в условиях неограниченной монархии. В этом же разрезе, следует также заметить, что трудно предположить, что имущественный ценз, как условие формирования представительных органов власти, вводится под давлением и в интересах тех социальных групп, которые будут по существу лишены возможности быть избранными в представительные органы государственной власти.

Важной системной олигархической характеристикой является момент проведения государственной политики представительной властью в корпоративных интересах численно резко ограниченной социальной группы олигархов. Как показывает исторический анализ, характер проводимой политики мало зависит от формы организации государственных институтов и механизмов государственного управления. Можно констатировать, что структура демократического и олигархического государства в большинстве случаев формально совпадают. В гораздо большей степени сущность политики формируется под воздействием корпоративного

заказа доминирующей социальной группы. Реализация указанного заказа регламентируется формально, на первый взгляд, незначительными моментами – очередностью рассмотрения вопросов во время голосования, формой определения «большинства», нюансами в работе системы «сдержек и противовесов» между ветвями власти, механизмами прохождения инстанций при разработке законопроекта, в специфике организации контроля по исполнению закона и т.п. Однако, при ближайшем рассмотрении, именно эти формальные нюансы в своей совокупности ведут к изменению сущности системы в целом. Кроме того, следует отметить, что многие, на первый взгляд, вполне демократические формы организации процесса государственного строительства, предполагают рассредоточение властных полномочий или «делегирование» в другой интерпретации, что является изначальным условием, осложняющим организацию открытого информационного пространства. Таким образом, осложняется процесс реализации главной функции гражданского общества в условиях построения именно демократического государства – осуществление контроля за действиями власти. В результате, у власти, избранной вполне демократическим путем появляется возможность для разработки и проведения политики, основанной на принципе Негативного Моментa Бюрократизма (НМБ), согласно которому, интересы более высокого порядка приносятся в жертву интересам более низкого порядка [5].

Таким образом, демократические формы становятся условием для создания структур, наполненных антидемократическим содержанием, а, в конце концов, при усилении указанных тенденций, это ведет к формированию системы, наполненной антидемократической сущностью.

Еще один момент при формировании представительной власти является примечательным. Следует обратить особое внимание на тот факт, что зачастую сверхбогачам нет смысла самим идти в политику, т.к. они постоянно и безотрывно преумножают собственное богатство в сфере экономики. При определенных условиях уход в политику требует отрыва от экономики, что чревато сокращением получения прибыли. В этом случае представлять свои интересы в политике они делегируют своим доверенным лицам, прохождение во власть которых они и оплачивают. В частности они обеспечивают преодоление имущественного ценза определенным лицам, в обмен на то, что те будут обеспечивать последнюю специфическую характеристику олигархии, находясь во власти – будут реализовывать корпоративные интересы олигархов в процессе проведения государственной политики. Это – еще одна формальная особенность олигархии, когда третьи лица представляют в органах представительной власти корпоративные интересы социальной группы олигархов, находясь от них в финансово-экономической зависимости. При этом сущность олигархии не меняется.

Говоря о внутренней форме олигархии, нельзя обойти вниманием вопрос о структуре указанного феномена, который является проявлением единства устойчивых взаимосвязей между его элементами. Олигархия обладает бесчисленным множеством внутренних и внешних связей, которые определяют соответствующие трансформации в процессе становления указанного феномена. Среди этого множества наиболее значимым представляется то, что мы назвали алгоритмом становления олигархии, т.е. довольно жесткая последовательность этапов процесса олигархизации, что можно представить следующим образом:

1. Вначале идет создание либо захват и концентрация в частной собственности ведущих ресурсов эпохи.
2. Затем осуществляется поход сверхбогачей во власть, посредством реализации имущественного ценза.
3. Потом происходит легализация результатов концентрации ресурсных потенциалов через законодательную ветвь государственной власти.
4. Затем идет получение сверхприбыли за счет эксклюзивного доступа к национальному богатству.

Следует заметить, что с позиции социальной группы олигархов каждый этап процесса логичен, а потому субъективно закономерен. Закономерным представляется поход сверхбогачей во власть, с целью обеспечить себе эксклюзивный доступ к ресурсам на совершенно ином уровне – уровне национального богатства. Закономерным представляется стремление протоолигархов занять соответствующее место в институтах представительной власти с тем, чтобы стабилизировать систему жесточайшей эксплуатации, которая обеспечивает им сверхобогащение, апеллируя к силе государственной машины. Закономерным представляется перенесение системного принципа стремления к монополии из экономики в политику.

Другими словами, все перечисленные моменты представляют собой довольно устойчивые связи в процессе становления феномена олигархии. Этот процесс становления олигархии, представляющий движение от одной относительно состоявшейся формы государственного устройства к другой относительно устоявшейся форме, а, конкретно, к олигархической, проявляется в форме особенных, специфических признаков, которые фиксируются нашими органами чувств. В результате, на уровне сознания постепенно складывается комплексный образ олигархии. Причем это движение происходит через количественное нарастание качественных специфических характеристик, что и может быть обозначено в качестве процесса ОЛИГАРХИЗАЦИИ. Такое закономерное нарастание специфических олигархических признаков дает основание для установления специфических олигархических тенденций, которые являются свидетельством наличия векторности движения в направлении рассматриваемой идеальной модели.

Имеются и другие формальные признаки и тенденции их нарастания, на которые стоит обращать внимание, но которые являются признаками не столько рассматриваемой системы, сколько признаками более широкой системы, в которую входит и наша система. Так явление коррупции, которое в условиях становления олигархии достигает чудовищных размеров, является специфической чертой не столько олигархии, сколько более широкой системы – системы либеральной модели с доминантой рыночных отношений. Именно движение к крайнему варианту либеральной модели, основанной на ценности свободного обмена, «когда все покупается и все продается», «все имеет свою цену», порождает, и фетишизацию денег, а, как следствие, и коррупцию. В условиях же становления олигархии это явление приобретает небывалые масштабы на фоне двух других тенденций, характерных для становления олигархии – усиления роли государственной бюрократии как «приводного ремня» олигархического государства и ослабления контрольной функции гражданского общества.

Кроме вышеперечисленного следует отметить, что для государства, в том числе и олигархического, сущностным является государственная политика, им проводящаяся, и эта политика может проводиться в интересах олигархов в определенной степени (качественно-количественная характеристика). Это определено тем, что формирование системы, в данном случае олигархического государства, – процесс непрерывный. Непрерывно происходит и олигархическое, либо демократическое наполнение (по соответствующим признакам и характеристикам) меняет свое направление. Это дает основание для утверждения, что все демократии до определенной степени олигархичны. Все зависит от степени или уровня олигархического наполнения по соответствующим признакам и индикаторам.

Проведенный анализ позволяет выделить основания для типологии форм олигархических государств и олигархических политических систем. Несложно заметить, что в экономической сфере главным основанием для типологизации олигархических систем выступает показатель концентрации средств производства, находящихся в частной собственности. С определенного уровня концентрации средств производства в частной собственности у социальной группы олигархов возникает неизбежное противоречие:

А) На первом уровне – между этой группой и социальными группами, не имеющими в частной собственности средств производства.

Б) На втором уровне – между указанной группой с высоким уровнем концентрации средств производства и социальными группами, обладающим средствами производства с низким уровнем концентрации.

В) На третьем уровне – между указанной группой и государством.

Другими словами, социальная группа олигархов, в зависимости от уровня концентрации средств производства, находящихся у нее в частной собственности, выступает в той или иной степени в качестве конкурента по отношению ко всем другим социальным группам, к остальной части социальной группы владельцев средств производства, но с низким уровнем их концентрации, а также ко всему государству, как владельцу средств производства с определенным уровнем его концентрации. В зависимости от уровня концентрации средств производства в частной собственности у олигархической группы, появляется потенциальная возможность для формирования различных моделей олигархического государства и политической системы в целом.

Однако реализация указанной потенциальной возможности происходит только в политической сфере. На уровне политики основанием для типологии олигархических форм государственного устройства является степень представленности интересов социальной группы олигархов во власти, а, как следствие, и уровень реализации этих интересов в государственной

политике, что сплошь и рядом идет в разрез с интересами других социальных групп. В частности, грань между различными формами устройства политической системы, демократической и олигархической, можно провести в зависимости от уровня представленности во власти и реализации в государственной политике интересов социальной группы олигархов.

Обобщая два приведенных положения, касающихся экономического и политического основания олигархии, можно сделать вывод о том, что типологическое разнообразие форм олигархических государств зависит, во-первых, от уровня концентрации средств производства в частной собственности олигархов, и, во-вторых, от уровня представленности во власти и реализации на уровне государственной политики корпоративных интересов владельцев указанных сконцентрированных средств производства.

В свою очередь, следствием различного сочетания указанных параметров, концентрации средств производства и представленности корпоративных интересов олигархических структур в политике, являются различные формы олигархического государственного устройства, что неизбежно проявляется в виде формирования политического режима с определенным уровнем жесткости.

В современной Украине результатом осознания обозначенной проблемы является формирование требования гражданского общества «отделить власть от бизнеса».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. «Государство и олигархия». Доклад российского Совета по национальной стратегии; <http://www.snsr.ru/reports/government.shtml>.
2. «Олигархия США», информационный портал, <http://www.oligarchyusa.com/>
3. Арон Р. Демократия и тоталитаризм. Пер. с франц. – М.: Текст, 1993. – 303с.
4. Большой энциклопедический словарь. Главн. редактор А.М. Прохоров, -2-е изд., перераб. и доп., –М.: Большая Российская энциклопедия; – СПб.: „Норинт”, 1998. – 1456 с.: ил.
5. Глазунов В.В. Бюрократия и олигархия: проблема взаимосвязи. Збірник наукових праць “Гуманітарний вісник Запорізької державної інженерної академії”. – Запоріжжя, ЗДІА. – випуск №19 – 2004. – 246 с. (68-83).

SUMMARY

The article is devoted to the research of forms of oligarchy, on the example of states that are oligarchic on experts mind. The author identifies the basic reasons for changing the form of the oligarchy in the economic sphere and in the political sphere. Variety of forms of oligarchic states depends on various qualitative and quantitative content of these basic reasons.

В. О. СКВОРЕЦЬ

ОБ'ЄКТИВНІ ТА СУБ'ЄКТИВНІ ФАКТОРИ РОЗВИТКУ ЖИТТЄУСТРОЮ НАРОДУ

Життєустрій відіграє провідну роль у вдосконаленні кожного соціального і етносоціального організму. Доля народу органічно пов'язана з його життєустроєм.

В умовах трансформації державного устрою Німеччини Ф. Ніцше писав про роль історії в житті народу як засобу зміцнення його життєвих сил. «Кожна людина, кожен народ у залежності від своїх цілей, сил і потреб має необхідність у відомому знанні минулого – у монументальній, антикварній або, нарешті, критичній історії. Але не в якості мислителів, які безкорисливо спостерігають життя, жадібні до знання, одним лише ним задовольняються і у примноженні знань вбачаючи свою мету, звертаються вони до історії. – Вона завжди потрібна їм заради цілей життя, і тому вище керівництво і влада над нею належать самому життю. Це і є природне відношення епохи, культури або суспільства до історії – воно викликається насущною потребою, закінчується там, де замовкає потреба, і регулюється внутрішньою пластичною силою народу. В усі часи люди шукали знання минулого тільки заради торжества майбутнього і теперішнього, а не заради послаблення та умертвіння життєвих початків майбутнього» [5, с. 136-137]. Ф. Ніцше стверджував, що «хвороба сучасності полягає в послабленні особистості» [5, с. 142].

На початку ХХІ ст. є всі підстави стверджувати, що хвороба глобалізованого світу полягає в послабленні більшості етносоціальних організмів. Як зазначає А. Толстоухов, процес глобалізації